

Рыкачев Андрей Михайлович

Деньги и денежная власть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Михайлович Р.**
Деньги и денежная власть / Рыкачев Андрей Михайлович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 210 с.

ISBN 978-5-519-84155-9

ISBN 978-5-519-84155-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Содержаніе.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Капитализмъ и деньги.

Проблема оправданія капитализма.—Деньги—центральное явленіе въ капитализмѣ.—Деньги, какъ средство обезпеченія свободы.— Понятіе экономической свободы

стр.

1—8

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Качество и количество въ современной хозяйственной жизни.

Непрерывность процесса обновленія въ современной хозяйственной жизни. — Необходимость постоянныхъ различій въ уровнѣ техники. — Обманчивая мечта о всеобщемъ повышеніи техники до однообразнаго максимальнаго уровня; расчеты Атлантикуса. — Централизація, какъ источникъ разнообразія. — Иллюзіи, вызываемыя успѣхами машиннаго производства. — Конкретный характеръ техническихъ задачъ. — Обычныя представленія о ростѣ производительныхъ силъ; условность этихъ представленій; имѣетъ съ измѣненіемъ производительности измѣняются и сами продукты. — Качественныя и количественныя перемѣны въ потребленіи

9—28

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Деньги и теоретическія конструкціи экономистовъ.

Количественная оцѣнка богатства и бѣдности.—Понятіи народнаго имущества, народнаго дохода.—Понятіе публичныхъ хозяйственныхъ благъ.—Граница экономического анализа предопредѣляется

границей употребленія денегъ.—Живучесть старыхъ экономическихъ теорій.—Подъ видомъ теорій скрываются образы и аналогіи.—Трудовал теоріи.—Сходство пролетарскихъ и крестьянскихъ иллюзій.

29—54

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Значеніе и цѣль денежной оцѣнки.

Различныя примѣненія числовыхъ обозначеній въ соціальной жизни.—Методологическое замѣчаніе.—Тарифъ, какъ болѣе сложная форма денежной оцѣнки.—Характерные признаки желѣзнодорожныхъ тарифовъ.—Заключеніе отъ тарифовъ къ общимъ свойствамъ денежной оцѣнки.—Попытка совершеннаго или «идеальнаго» рынка.—Замѣна двустороннихъ сдѣлокъ рядомъ одностороннихъ, свободныхъ актовъ покупателей и продавцовъ.—Подтвержденіе полученныхъ выводовъ на примѣрѣ тарифныхъ соглашеній между предпринимателями и рабочими.

55—77

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Деньги, какъ средство обезпеченія свободы выбора хозяйственныхъ благъ.

Новая формула для опредѣленія основной функціи денегъ.—Традиционное объясненіе значенія денегъ.—Деньги, какъ носители конкурирующихъ возможностей.—Ученіе К. Кнуса о деньгахъ, какъ измѣритель цѣнности.—Ученіе К. Менгера о деньгахъ, какъ товарѣ съ наиболѣе обезпеченнымъ бытомъ.—Г. Зиммель о превращеніи денегъ въ средства въ самоцѣль.—Нѣсколько общихъ замѣчаній о «Философіи Денегъ» Г. Зиммеля.—Хозяйственная выгода выбора свободного выбора благъ.—Границы хозяйственной предусмотрительности.—Неопредѣленность срѣковъ служенія хозяйственныхъ благъ.—Принципъ «замѣняемыхъ частей» въ машиностроеніи.—Деньги приближаютъ моментъ хозяйственной оцѣнки къ моменту выясненія хозяйственной потребности.

78—101

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Товаръ, какъ элементъ товарно-денежнаго обращенія.

Зачатки ученія о товарѣ у К. Маркса и К. Менгера.—Общая задача ученія о товарѣ.—Опредѣленіе понятія товара.—Пять признаковъ.—Неопредѣленно большое количество экземпляровъ.—Публичный характеръ товара.—Замѣнимость или фунгибельность экземпляровъ товара; «стандартизація» и «формализмъ» въ современной

промышленности. — Искусственный характер единицы товара; применение принципа индивидуальности въ потреблении съ принципомъ массовой заготовки хозяйственныхъ благъ. — Жалобы на торжество шаблона и цвеллирование вкусовъ. — Искусственный характеръ товарныхъ цѣнъ. — Законъ возмѣщенія издержекъ и его границы. — Законъ замѣщенія или «субституція» и его границы. — Теорія предѣльной полезности въ примѣненіи къ ученію о цѣнахъ. — Три категоріи хозяйственныхъ благъ, не подходящихъ подъ понятіе товара. — Три категоріи хозяйственныхъ благъ, обнимаемыхъ понятіемъ товара. — Націонализація земли, какъ радикальное средство къ возможно болѣе полному превращенію земли въ товаръ. — М. Туганъ-Барановскій о принципиальномъ различіи между рабочей силой и всѣми другими товарами. — Ученіе К. Маркса о «товарномъ фетишизмѣ». 102—157

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Товарно-денежное обращеніе въ исторической перспективѣ.

Выдвигаемыя въ наукѣ схемы экономической эволюціи. — Опре-
дѣленіе современной хозяйственной системы, какъ системы свобод-
ной конкуренціи. — Правовая свобода и свобода экономическая; по-
ложительныя задачи права по отношенію къ системѣ экономической
свободы. — Ученіе о раздѣленіи труда. — Формы сочетанія труда по
ученію К. Бюхера. — Ученіе Э. Дюркгейма о механической и орга-
нической солидарности. — Г. Зиммель о социальной дифференціаціи
и интеграціи. — Общая проблема организаціи труда; трудъ и творче-
ство. — Принципъ свободного выбора спеціальности. — Товарно-денеж-
ная организація труда. — Спеціализація, какъ внутренняя потребность
спеціализирующагося. — Ученіе К. Бюхера о трехъ стадіяхъ хозяй-
ственного развитія. — Политическая экономія, какъ теорія обраще-
нія — Терминологія: «обмѣнъ», «обращеніе», «циркуляція», «товарно-
денежное обращеніе». — Антитеза «прямого обмѣна» и «обращенія» у
К. Бюхера: въ чемъ дѣйствительное отличіе «обращенія» отъ «пря-
мого обмѣна»? — В. Зомбартъ объ обезпеченности и устойчивости
обита въ средніе вѣка. — Понятіе натурального хозяйства. — Антитеза
денежнаго и кредитнаго хозяйства. 158—202

ПОПРАВКА.

<i>Стр.:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Нужно:</i>
87	13 сверху	не за нихъ самихъ	не ради нихъ самихъ
87	15 »	за нихъ самихъ	ради нихъ самихъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Капитализмъ и деньги.

Самое слово «капитализмъ» уже имѣетъ въ себѣ отбѣнокъ нѣкотораго опредѣленнаго отношенія къ современной хозяйственной системѣ. Въ немъ чувствуется элементъ осужденія, элементъ недовольства. Если же мы представимъ себѣ преобладающія чувства и настроенія, переживаемыя большинствомъ тѣхъ, кто говоритъ о капитализмѣ, и тѣхъ, кто думаетъ о немъ, не называя этого термина, то мы должны будемъ признать, что недовольство капитализмомъ является одною изъ наиболѣе замѣчательныхъ чертъ нашей капиталистической эпохи. Въ народныхъ массахъ прочно укоренилось чувство вражды къ существующимъ хозяйственнымъ условіямъ — этотъ неоспоримый историческій фактъ мы беремъ какъ исходную точку нашихъ теоретическихъ разсужденій о капитализмѣ. Народное недовольство есть великая историческая сила. Подъ охраной этой силы всюду были заложены первые зачатки демократіи и демократической культуры. Мы, русскіе, можемъ откровенно признать, что только подъ защитой неустанно хлопочущаго народнаго недовольства, — вызываемаго экономическими причинами, — возможно въ Россіи въ ближайшее время развитіе свободы и культуры.

Но и эта великая сила, какъ бы она ни казалась священной, требуетъ къ себѣ критическаго отношенія. Недовольныя капитализмомъ народныя массы стоятъ далеко отъ капитализма и плохо знаютъ его. Творцами современной хозяйственной жизни являются немногіе, особо привилегированные или особо выдающіеся люди. Массы же служатъ только матеріаломъ; онѣ способны глухо реагировать, протестовать, сознавать себя жертвой, но онѣ не поспѣваютъ за развитіемъ знаній, техники, новыхъ формъ

жизни и мысли. Массы продолжают мыслить старыми формулами въ то время, какъ жизнь уже ушла впередъ и требуетъ новыхъ формулъ для проявленія и осуществленія неизмѣнныхъ человѣческихъ стремленій и инстинктовъ. Мало-по-малу старыя формулы замѣняются новыми и въ народномъ сознаниі, но этотъ болѣзненный процессъ требуетъ помощи научной мысли, научной критики. Такъ и теперь, народные массы продолжаютъ производить оцѣнку капитализма и капиталистовъ при помощи формулъ, создавшихся въ эпоху натурального хозяйства. Милліоны крестьянъ и рабочихъ не представляютъ себѣ капиталиста иначе, какъ въ образѣ богатаго помѣщика библейской Палестины, какимъ онъ изображенъ въ евангельскихъ притчахъ, — съ обширными житницами и амбарами, съ пирами, съ рабами лукавыми и вѣрными. Биржевикъ и банкиръ представляются массамъ въ видѣ азартнаго игрока, ставящаго на карту свое благосостояніе и доброе имя въ игорныхъ домахъ, или, еще хуже, въ видѣ непонятого шуллера. Эти устарѣвшія представленія обладаютъ такой огромной инерціей, что публицистъ и политическій дѣятель не въ силахъ имъ сопротивляться. Публицистъ долженъ говорить на языкѣ понятномъ массѣ и поневолѣ онъ подчиняется старымъ народнымъ формамъ мысли. Поэтому устарѣлыя формы представленія о капитализмѣ неизбежно должны были проникнуть и въ языкъ современнаго социализма. Помочь можетъ только научная критика.

Всякая попытка подобной критики по необходимости получаетъ характеръ нѣкоторой апологіи капитализма. Вѣдь дѣло идетъ о привычныхъ формахъ проявленія народного недовольства. Но такъ какъ между формой и содержаніемъ всегда есть связь, то возражая противъ формы, приходится въ извѣстной степени возражать и противъ самаго народного недовольства. Поэтому критика устарѣвшихъ формъ народного недовольства всегда вызоветъ со стороны извѣстной части публицистовъ обвиненіе въ буржуазности и продажности. Даже Марксъ и марксисты не избѣгли этой участи. Въ дѣйствительности же нѣтъ задачи болѣе благодарной и возвышенной, чѣмъ апологія капитализма въ только-что указанномъ смыслѣ. Ибо это есть апологія современности, апологія жизни, живой дѣйствительности противъ омертвѣвшихъ и мертвѣвшихъ формулъ.

Но не только отъ устарѣвшихъ формъ народной мысли приходится защищать современный капитализмъ. Его приходится защищать и отъ традицій, укоренившихся въ самой экономической наукѣ. Страннымъ образомъ консерватизмъ народнаго мышленія

нашелъ себѣ поддержку въ консерватизмѣ научнаго мышленія. Въ политической экономіи иастари укоренились нѣкоторыя тенденціи, препятствовавшія экономистамъ отдать должное капитализму, оцѣнить въ полной мѣрѣ его силу, его современное торжество и его значеніе для будущаго. Экономисты какъ будто нарочно закрывали глаза на все то въ капитализмѣ, что составляетъ его своеобразіе, его новизну, его отличие отъ всѣхъ предшествующихъ эпохъ. Два направленія мысли виновны въ этой слѣпотѣ: одно можетъ быть названо натурализмомъ, другое историзмомъ. Первое стремилось свести своеобразіе новой хозяйственной системы къ проявленіямъ общихъ свойствъ человѣческой природы. Второе стремилось приравнять новое къ прошлому, поставить знакъ равенства между пѣтми эпохами со всѣми ихъ отличіями и перемѣнами. Представители того и другого направленія искусственно атрофировали въ себѣ чувство современности, пониманіе индивидуальныхъ чертъ нашей эпохи.

— Въ прежнее время человѣкъ, имѣвшій запасъ пищи, но не имѣвшій одежды, шелъ прямо къ тому, у кого не было пищи, но была одежда, и вымѣнивалъ одно на другое. А теперь нуждающійся въ одеждѣ сначала вымѣниваетъ свой товаръ на деньги, а потомъ деньги вымѣниваетъ на одежду. Сущность процесса остается та же...

— Сначала деньгами были раковины, скотъ, потомъ драгоценные металлы въ слиткахъ, а теперь мы пользуемся чеканной монетой. Сущность процесса остается та же...

Вотъ преобладающая форма мысли въ работахъ по теоріи политической экономіи ¹⁾. И въ натурализмѣ, и въ историзмѣ все вниманіе сосредоточено не на индивидуальномъ и своеобразномъ въ современной жизни, а на общемъ, на отвлеченностяхъ, тамъ и здѣсь — бесплодный формализмъ мысли. Развѣ не бесплодный формализмъ—это сопоставленіе современнаго денежнаго оборота съ «простымъ» обменомъ пищи на одежду, когда-то гдѣ-то происходившимъ въ отдаленные вѣка? Развѣ не бесплодный формализмъ это сравненіе нашихъ денегъ съ ракушками дикарей?

Бесплодный формализмъ научной мысли принижаетъ значеніе

¹⁾ Напр., въ статьѣ К. Менгера о деньгахъ читаемъ: «благодаря вступленію денегъ въ ихъ функцію орудія обмена оборотъ былъ облегченъ и экономическій расчетъ сдѣлался точнѣе; но существо обмена отъ этого вовсе не измѣнилось» (курсивъ нашъ). Ст. *Geld im Handel, d. Staatswiss.*, 2 Aufl., IV B., s. 83. Между тѣмъ по сравненію съ другими экономистами, занимавшимися теоріей денегъ, К. Менгеръ, въ области этой теоріи, является еще скорѣе новаторомъ, чѣмъ консерваторомъ.

капитализма не менѣе, чѣмъ наивный матеріализмъ народныхъ предразсудковъ. Поэтому у современнаго экономиста по отношенію къ предшественникамъ оказывается та же самая задача, что и по отношенію къ народнымъ массамъ—оправданіе капитализма. Такимъ оправданіемъ будетъ и предлагаемый теоретическій очеркъ. Это не будетъ, конечно, оправданіе эксплуатаціи и эксплуататоровъ, это не будетъ оправданіе нищеты и современнаго экономического рабства. Новая теорія должна дать оправданіе въ смыслѣ объясненія,—она должна вскрыть внутреннюю связь между положительными и отрицательными сторонами господствующей экономической системы, вскрыть животворящія силы, заключающіяся въ самой сущности капитализма и обѣщающія человечеству освобожденіе отъ современныхъ противорѣчій.

Для Россіи оправданіе капитализма почти совпадаетъ съ оправданіемъ западной культуры. Россія полна предразсудковъ по отношенію къ западнымъ формамъ богатства. Бѣдный, нищій народъ и некультурное общество какъ будто находятъ утѣшеніе въ презрѣніи къ тѣмъ формамъ, въ которыхъ болѣе счастливые народы устраиваютъ свое матеріальное благополучіе. Романтическія утопіи народниковъ и социалистовъ всѣхъ типовъ и толковъ, сплывающее презрѣніе средняго обывателя къ меркантильности англичанъ и американцевъ, изувѣрство черносотенныхъ антисемитовъ—все это таинственно гармонируетъ съ общимъ фономъ невѣжества и нищеты и даетъ картинку не только печальную, но и зловѣщую. Для русскаго экономиста еще болѣе, чѣмъ для западно-европейскаго, должна быть близка и привлекательна великая задача—вскрытіе творческихъ силъ современнаго культурнаго капитализма. Къ этой темѣ толкается все—и интересы науки, и потребности публицистики, и голосъ народной нужды.

Гдѣ же, въ чемъ же эта живая сила капитализма, эта душа его, источникъ его могущества?

Есть центръ, къ которому приводятъ всѣ недоумѣнія и вопросы, поднимаемые въ насъ особенностями современнаго капиталистическаго ховяйства. И есть слово, которое всегда объяснительно, которое все оживляетъ и все оправдываетъ. Если мы назовемъ этотъ центръ и это слово, мы назовемъ источникъ силы и оправданіе капитализма. Этотъ центръ—деньги. Это слово—свобода. Капитализмъ приноситъ торжество денегъ. Деньги приносятъ свободу, экономическую свободу. Вотъ первое, кратчайшее выраженіе для характеристики дѣйствительнаго могущества капитализма и первое его оправданіе.

Деньги приносятъ свободу. Это—не метафора, и это—не

случайное второстепенное свойство денег. Это элементарный фактъ современной экономической жизни. Рѣчь идетъ, конечно, не о свободѣ политической, и не о свободѣ отъ государственнаго вмешательства, не о прословутой «свободной торговлѣ», и, разумѣется, не о свободѣ въ философскомъ значеніи, а о специфической экономической свободѣ, о которой до сихъ поръ меньше всего думали экономисты. Въ обезпеченіи экономической свободы—все превосходство денежнаго хозяйства надъ натуральнымъ. Всякій, имѣющій деньги на рукахъ, можетъ *свободно выбрать* между массою товаровъ, одинаково доступныхъ ему въ данную, одну и ту же сумму денегъ. Въ этой свободѣ выбора хозяйственныхъ благъ и заключается коренное отличіе денежнаго хозяйства отъ натурального. И именно эту свободу выбора хозяйственныхъ благъ мы и называемъ свободой въ экономическомъ смыслѣ слова или экономической свободой. Въ натуральномъ хозяйствѣ всякій знаетъ, какое именно конкретное благо и въ какомъ количествѣ получитъ у него въ результатъ его собственнаго труда или отъ труда другихъ людей. Въ денежномъ же хозяйствѣ всѣ пользуются постоянной свободой выбирать каждый товаръ только въ послѣднюю минуту, когда окончательно выяснится пригодность даннаго товара для данной потребности, для даннаго настроенія, для даннаго времени, по личному усмотрѣнію выбирающаго.

Свобода выбора хозяйственныхъ благъ въ своемъ непосредственномъ осуществленіи развертывается въ непрерывный рядъ экономическихъ выгодъ или сбереженій и, кромѣ того, она, какъ всякая свобода, является благодатной почвой для развитія человѣческаго творчества. Въ этомъ первое, предварительное и самое общее оправданіе денежнаго хозяйства.

Но деньги и капитализмъ неразрывно связаны между собою. Съ какой бы стороны мы ни подходили къ капитализму, всегда и всюду мы наталкиваемся на этотъ удивительный феноменъ—деньги, и всѣ загадки капитализма приводятъ все къ той же одной загадкѣ: что такое деньги?

Если капитализмъ есть такая система хозяйства, въ которой главными дѣйствующими лицами являются капиталисты, то не деньги ли составляютъ единственное вооруженіе капиталиста, отличающее его отъ всѣхъ другихъ дѣйствующихъ лицъ? Эксплуатация труда, обманъ покупателей, игра на рынкѣ, захватъ угольныхъ копей и рудниковъ, владѣніе машинами и желѣзными дорогами—все это отчасти дѣйствительные результаты, отчасти наши умозаключенія. Но первоначальное свойство, необходимое и достаточное для того, чтобы человекъ считался и былъ капи-

талистомъ, есть обладаніе деньгами. Помѣщикъ въ эпоху крѣпостного права тоже эксплуатировалъ трудящихся. Онъ эксплуатировалъ при помощи принужденія. А капиталистъ? При помощи денегъ.

Можно говорить, что между феодальнымъ строемъ и капиталистическимъ нѣтъ существенной разницы: тамъ и здѣсь рабство, тамъ и здѣсь эксплуатация. Но если искать специфическаго признака капитализма, какъ особой системы, отличающейся отъ прежнихъ, то такимъ признакомъ не можетъ быть эксплуатация труда, а только денежная форма эксплуатации.

Если капитализмъ есть такая система, при которой трудъ прилагается къ производству въ качествѣ труда наемныхъ рабочихъ, то что же такое этотъ наемный трудъ, какъ не трудъ за деньги? Чѣмъ положеніе труда въ наше время—съ общественно-экономической точки зрѣнія—отличается отъ прошлыхъ временъ? Конечно, не тѣмъ, что трудящіеся иначе питаются, лучше или хуже обезпечены, больше или меньше трудятся и не тѣмъ, что среди нихъ больше солидарности или больше ненависти къ господамъ, а тѣмъ, что трудъ ихъ вознаграждается—деньгами.

Деньги являются общей связью, соединяющей насъ въ то, что называется организмомъ народнаго хозяйства. Они связываютъ потребителей съ производителями, рабочихъ съ капиталистами, капиталистовъ съ покупателями. Они служатъ общей формой экономическихъ отношеній нашего времени. Пока мы не поймемъ формы, мы не поймемъ и содержанія.

Капитализмъ приписитъ торжество денежнаго хозяйства. Денежное хозяйство означаетъ торжество экономической свободы. Эти два факта не случайно стоятъ рядомъ. Капитализмъ нуждается именно въ денежной формѣ хозяйства, потому что онъ нуждается въ экономической свободѣ. Его другія тенденціи и свойства требуютъ свободы, какъ своего естественнаго дополненія. И намъ необходимо вооружиться понятіемъ экономической свободы, чтобы объяснить эти другія тенденціи и свойства.

Современная система хозяйства, къ которой прилагается названіе капитализма, дала въ результатѣ небывалое развитіе сотрудничества и раздѣленія труда. Отдѣльный человѣкъ сталъ играть роль маленькаго винтика въ колоссальномъ механизмѣ. Зависимость личности отъ общественнаго хозяйственнаго процесса возрасла въ громаднхъ размѣрахъ. Какимъ образомъ эта зависимость можетъ совмѣщаться съ личной свободой? Безъ личной свободы не можетъ быть ни творчества, ни движенія впередъ. Только проявленіе индивидуальности, только исполненіе каждымъ